

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОМПОЗИТЫ В ДЕТСКОЙ РЕЧИ (на материале русского языка)

Кадим Мундер Мулла

Аннотация. Представлены примеры русскоязычных глагольных композитов в детской речи, которые составляют достаточно большую группу лексических единиц. Предложено объяснение понятия «сложное слово / композит», которое понимается как лексическая единица, формально восходящая к двум, трем и (или) более основам или вообще самостоятельным словам и имеющая структурно-семантическую целостность, т.е. она семантически связана со значением синтаксической конструкции. Ведущими критериями интерпретации сложного слова, композита были: *морфологический* и *семантический критерий* – связывание частей специальной соединительной морфемой и семантическая слитность номинации; в тех же случаях, когда оба эти признака не просматривались явно, единственным критерием выделения окказионального композита становился *фонетический критерий* – наличие одного сильного ударения. Названы ключевые критерии сложного слова / композита, среди которых: фонетический, морфологический и семантический критерий и основные способы словообразования: 1) фонетико-морфологический; бессуффиксный; 2) суффиксальный; 3) префиксальный; 4) смешанный, суффиксально-префиксальный, а также синтаксические способы. Сделана попытка рассмотреть глагольные композиты, которые представляют немногочисленную группу сложных слов в речи детей, но эти композиты интересны тем, что не подходят под классификацию образования сложных глаголов. Главной причиной такого подхода является ярко выраженный динамизм детских высказываний. Словообразование детей также свидетельствует о динамизме детского восприятия окружающей жизни. Понимая некоторую условность выделения композитов причастий, мы, тем не менее, не можем не отмечать глагольного происхождения опорного компонента. В противном случае опорный глагол выпадает из структурно-семантического анализа детских композитов, а это не вполне соответствует реальной морфологоориентированной палитре детского словообразования.

Ключевые слова: глагольные композиты; детская речь; русский язык; сложное слово; композит; способы словообразования.

Введение

На современном этапе развития лингвистической мысли актуальными продолжают оставаться проблемы окказионального словообразования. Постоянно растущий интерес ученых к «периферии» словообразования объясняется наличием пустых, незаполненных пространств возможной номинации, свидетельствующих об огромном потенциале языка. Именно поэтому при изучении русского словообразования осо-

бое внимание нужно сосредоточить не только реализованным единицам, но и выявлять возможности реализации потенциальных единиц.

Таким образом, в центре внимания оказались *сложные слова*, или *компози́ты, в детской речи*, которые пытаются открыть обширные возможности для изучения семантических закономерностей, управляющие формированием смысловой структурой слова. По утверждению Е.С. Кубряковой, композиты, как правило, являются мотивированными единицами и мотивированы они не только потому, что повторяют часть значений своего источника, «но и потому, что морфологическая структура знака приближена к его “внутренней форме”» [1. С. 15]. При этом В.И. Кодухов отмечает, что *внутренняя форма слова* основана на «бросающемся в глаза признаке, олицетворяющем представление, ассоциативную связь» [2. С. 192]. Вспомним слова Л.А. Новикова, который отмечал, что «значение – это то, что отражается данной лексической единицей, внутренняя форма – то, как отражается в этой единице (в его значении) тот или иной факт действительности. Внутренняя форма – мотивирующий, избранный признак названия (имени)» [3. С. 161].

На сегодняшний день можно опираться на теоретические достижения по сложным словам / компози́там, которые представлены в работах Г.О. Винокура, Е.А. Земской, Е.С. Кубряковой, В.В. Лопатина, И.С. Улуханова и др. Необходимо вспомнить и классические работы: *докторские*: Р.Ф. Газизова «Сложные существительные и исходные словосочетания с глагольными компонентами в русском языке» (1992 г.), Р.Ю. Намитокова «Авторские новообразования: структура и функционирование» (1988 г.); *кандидатские*: В.Е. Зиньковская «Полимотивированные сложные существительные и прилагательные в современном русском языке» (1984 г.), Е.А. Макухина «Словообразовательная семантика сложных существительных в современном русском литературном языке» (1987 г.) *диссертации*.

Кроме этого, интенсивно идет изучение сложных слов / компози́тов на материале других языков: на материале *английского* – И.В. Арнольд, О.Д. Мешков, А.И. Смирницкий и др.; на материале *немецкого* – Х. Бринкманн, К. Дуден, М. Степанова, Н. Чернышова и др.; на материале *французского* – В.Г. Гак, А.Я. Лазуренко и др.

Методология

Среди основных методов, которые могут быть использованы, отметим различные взаимодополняющие друг друга методы лингвистического исследования: *метод лингвистического наблюдения* и *системного описания*, *метод анализа семантической структуры компози́тов*, *метод филологического анализа*, которые дают возможность определить особенности синтагматики анализируемых единиц в том или ином контексте.

Общефилософский уровень методологии основывается на диалектических законах единства формы и содержания, всеобщей связи явлений и др. В соответствии с этими философскими принципами язык представляется материальной объективной, динамической, функционирующей системой.

Общенаучная методология опирается на принципы системности, антропоцентризма и детерминизма (см. работы Е.С. Кубряковой и др.).

При этом комплексное изучение глагольных композитов в детской речи на материале русского языка основано на методах описательного лингвистического анализа, когда основное внимание базируется на двух методологических положениях: с одной стороны, на природе значения, а с другой стороны, на национально-культурной обусловленности русского языка.

Кроме этого, учитывая, что сложное слово / композит состоит из двух и более основ, необходимо обращаться к традиционным методам семасиологии, одним из которых является компонентный анализ. Компонентный анализ дает возможность понять значение того или иного компонента в сложном слове / композита для дальнейшей его интерпретации по морфологическому или семантическому критериям.

При этом методика словарной дефиниции помогает смоделировать структуру значения, которая является неотъемлемой частью того или иного фрагмента языковой картины мира, а методика контекстуального анализа приближает исследователя к пониманию и соотношению значения с культурным кодом. Таким образом, это помогает приблизиться к специфике антропоцентрического подхода.

Исследование

В современной лингвистической литературе накоплено достаточно теоретического материала по словообразованию, представлены многочисленные и во многом противоречивые точки зрения на некоторые спорные вопросы. Чтобы обозначить собственную позицию в интерпретации ряда вопросов детского словотворчества, остановимся на наиболее важных моментах в теории современного словообразования, имеющих непосредственное отношение к сложным словам / композитам. Безусловным достижением современной дериватологии является определение статуса сложного слова / композита как одного из законных и естественных, совершенно необходимых вербальных средств в лексиконе языка.

Сложное слово / композит имеет достаточно длительную историю, однако, как писала в свое время Е.С. Кубрякова, несмотря на то, что ключевые типы сложений были предложены и описаны еще древнеиндийскими грамматистами, а их отдельные модели в разных

языках оставались предметом дальнейших описаний, а также то, что литература, посвящена словосложению, стала буквально необозримой, дискуссии о важности и сущности словосложения до сих пор не утратили своей актуальности [4. С. 61].

В существующих на сегодняшний день определениях сложного слова / композита много общего, однако имеются и некоторые различия. Проанализировав работы Е.А. Василевской, И.Г. Галенко, В.В. Лопатина, И.И. Улуханова, можно говорить о трех направлениях касательно определения сложного слова / композита: а) первое место пренадлежит морфологической структуре лексемы, где прослеживаются две и более корневые морфемы; б) семантическое единство компонентов сложения считается основным признаком; в) соотносительность сложного слова со словосочетанием доминирует и остается важной составляющей.

При этом с расширением представления о сложных словах / композитах подход к ним как к структурным единствам не мог удовлетворять исследователей. Еще в прошлом веке многие лингвисты указывали не только на формальное единство таких единиц, но и на смысловое их единство. Ф.Ф. Фортунатов в определение *сложной лексической единицы* ввел *семантический признак*, считая, что *сложное слово / композит* – это такая полная лексическая единица, которая имеет достаточно сложную основу и указывает на «сочетание одного предмета мысли с другим в одном предмете мысли» [5. С. 175]. Однако сам академик Л.В. Щерба считал семантическую цельность композитов главным критерием в качестве принципа выделения сложных слов.

Некоторые исследователи в основу определения сложного слова ставят соотношение композита со словосочетанием. Так, например, В.П. Григорьев утверждает, что «сложное слово – это цельнооформленное образование, которое возникает по одному из действующих в языке словообразовательных типов и компоненты которого формируются на базе синтаксического сочетания двух или нескольких знаменательных основ». Ученый говорит о том, что «обладая единым значением и нейтрализуя в своей структуре грамматические отношения между компонентами исходного словосочетания, сложное слово превращается в простое или аффиксальное в том случае, если оно утрачивает соотносительность с исходным словосочетанием в связи с выпадением этого последнего из системы языка или определенного стиля речи» [6. С. 38].

В данной дефиниции сложного слова признается образование композитов только на базе словосочетаний. Конечно, с такой трактовкой трудно согласиться. Так, И. Лось считает, что большая часть сложных слов образуется по аналогии. Образование сложных слов по аналогии признают многие лингвисты (А. Зверев, Ю. Сорокин, Н. Янко-Триницкая и др.). На возможность создания сложных слов по аналогии указывали

В.В. Лопатин и И.С. Улуханов. Данной проблеме посвящено монографическое исследование Ф.А. Никитиной, в котором подчеркивается, что «аналогию можно рассматривать как связующее звено между речью и языком, способствующее превращению окказионального в узуальное» [7. С. 3].

Е.С. Кубрякова предлагает следующее определение сложным словам, которое представлено в «Большой Советской энциклопедии»: «Сложные слова – слова, имеющие в своем составе не менее двух полнозначных основ, образующих структурно-семантическое единство. Образуются либо объединением двух и более полнозначных слов или их основ в цельнооформленный комплекс по определенному лексическому образцу, либо номинализацией, т.е. свертыванием и семантической компрессией какой-либо синтаксической конструкции – словосочетания или предложения. Сложные слова отличаются от словосочетаний или аффиксальных производных графически (слитность написания), фонетически (наличие одного сильного ударения), морфологически (связывание частей сложного слова при помощи специальной соединительной морфемы), семантически и т.п.» [8. С. 586].

Если придерживаться позиции лингвистов, которые считают, что сложное слово берет участие в акте номинации (Е.С. Кубрякова, В.В. Лопатин, О.Д. Мешков, И.С. Улуханов и др.), поэтому сложное слово / композит можно объяснить как лексическую единицу, которая формально восходит к двум, трем и / или более основам или вообще самостоятельным словам и которая имеет структурно-семантическую целостность, т.е. она семантически связана со значением синтаксической конструкции.

Необходимо говорить и о тех признаках сложного слова, которые уже выработаны отечественными и зарубежными лингвистами, так как они имеют непосредственное отношение к процессу сбора материала – поиску и фиксации сложных слов в речи детей. Ведущими критериями интерпретации прозвучавшего лексического комплекса не как словосочетания, а как сложного слова, композита, был *морфологический* и *семантический критерии*: связывание частей специальной соединительной морфемой и семантическая слитность номинации. В тех же случаях, когда оба эти признака не просматривались явно, единственным критерием выделения окказионального композита становился *фонетический критерий* – наличие одного сильного ударения.

Когда речь идет о теории сложного слова, говорят о *теории мотивации* (см. труды А.М. Бондарко, Г.О. Винокура, Е.Л. Гинзбурга, Е.А. Земской, Е.С. Кубряковой и др.), в трудах которых анализируются мотивационные отношения сложных слов, объективируются понятия мотивированных отношений, направление мотивированности, обсуждается вопрос об основной единице словообразовательного уровня.

Понятие мотивированных отношений рассматривается как в широком, так и в узком смысле слова. Если одно из однокорневых слов можно объяснить через семантику другого, даже при отсутствии словообразовательной пары, то отношения между ними признаются в широком смысле мотивационными. В узком смысле термин словообразовательной мотивации употребляется как «отношение между двумя однокоренными словами, значение одного из которых либо: а) определяется через значение другого, б) тождественно значению другого во всех компонентах, кроме грамматического значения части речи» [9. С. 133].

Еще одним достижением отечественной лингвистики в области словообразования сложных слов является определение основных *способов словообразования сложных слов*. В.А. Виноградов был одним из первых, кто предпринял попытку классифицировать способы русского словообразования. Он выделил «виды», «типы», способы морфологического (т.е. аффиксального) словообразования: 1) фонетико-морфологический, бессуффиксный способ; 2) суффиксальный; 3) префиксальный; 4) смешанный, суффиксально-префиксальный, а также синтаксические способы: морфолого-синтаксический (словосложение, переход слова из одной части речи в другую), лексико-синтаксический (сращение словосочетаний в одно слово) и лексико-семантический (развитие омонимов на основе полисемии слова).

Семантика композитов может быть описана с опорой на синтаксические конструкции, но следует отметить, что синтаксические конструкции, при помощи которых эксплицируется это семантика, не всегда тождественны по значению сложным дериватам. Тот факт, что в рамках сложного слова синтаксические отношения компонентов устранены, обуславливает в ряде случаев возможность различной интерпретации и обеспечивает способность сложного слова покрывать более широкий круг значений [1. С. 81–155; 10. С. 190–203].

Итак, природа сложного слова, мотивация, определение способа словообразования, проекция на синтаксические связи и разграничение узуального и окказионального словопроизводства – вот те основные узлы в общей теории словообразования, исключительно важные для интерпретации детского сложного слова.

Сложным словам посвящены отдельные части фундаментальных исследований детской речи А.Н. Гвоздева и С.Н. Цейтлин. Как писал С.Н. Цейтлин: «одна из главных и наиболее существенных особенностей речевого онтогенеза состоит в том, что, овладевая системой языка раньше, чем языковой нормой (общими правилами раньше, чем частными правилами и исключениями), ребенок в своей речевой деятельности, прибегая к деривации, конструирует языковые единицы, правильные относительно системы (отвечающие общим правилам) и при этом расходящиеся с нормой (не соответствующие частным правилам) – и

таким образом постоянно заполняет существующие в языке лакуны, как абсолютные, так и относительные» [11. С. 69–70].

Попытаемся рассмотреть примеры глагольных композитов, которые представляют немногочисленную группу сложных слов в речи детей, но эти композиты интересны тем, что не подходят под классификацию образования сложных глаголов, представленную в «Русской грамматике» 1980 г.

Таковыми раритетными глаголами оказались:

Надедоморозиться

– Наш *физрук* на трех утренниках был Дедом Морозом, вот он навеселился, *надедоморозился*.

Обдедоморозить

Ночью на Новый год во время прогулки девочка видит, как из подъезда выходит Дед Мороз.

– В этом *подъезде* он уже всех подарками *обдедоморозил*.

Посаморазвлекаться

Подруге, пришедшей в гости:

– Ты пока *посаморазвлекайся*, а я попрошу маму нам чай сделать.

Жертвоприносить

– Как только начнется солнечное затмение, ее (девушку) начнут *жертвоприносить*.

Лягушкоопродуктиться

Купила червей на корм лабиринтовой лягушке:

– Я лягушкоопродуцилась.

Лягушкозапродуктиться

Девочка купила сразу три пакетика червей для лягушки, узнав, как их хранить.

– Я *лягушкозапродуктилась* (т.е. купила большое количество).

Сложный глагол *надедоморозиться* образован на базе устойчивого наименования Дед Мороз при помощи префиксации, сложения, суффиксации и постфиксации.

На-дед-о-мороз-и-ть-ся

Об-дед-о-мороз-и-ть

Сложный глагол *жертвоприносить* образован окказиональным способом обратного словообразования, а именно десуффиксацией, его можно рассматривать как потенциальное слово, так как в узусе известно существительное *жертвоприношение*.

И.С. Улуханов отмечает, что слово, образуемое посредством удаления морфемы, по своим словообразовательным свойствам соответствует пропущенному неисходному звену словообразовательной цепочки мотивированного слова, но не является этим звеном в силу окказиональности [12. С. 47]. В сложном глаголе *жертвоприносить* произошла десуффиксация (удаление) суффикса -ениј- и в

результате транссуффиксации возник сложный глагольный окказионал. Сложный глагол *посаморазвлекаться* образован при помощи пятерной комбинации.

Описывая пятерные способы, И.С. Улуханов констатирует, что «сочетание пяти способов (четырех прямых и одного обратного) представлено в нашем материале единственным окказионализмом *посамоугрызаться*, возникшим путем десуффиксации, суффиксации, постфиксации, сложения и префиксации: Задумается, *посамоугрызается* жить, как жил (М. Ганина): угрызение (совести) – угрызть – угрызть – угрызаться – самоугрызаться – посамоугрызаться» [12. С. 85]. В.П. Изотов считает, что здесь сочетаются пять способов, но «окказионализм образован сочетанием префиксации и сложения, поскольку реально существует слово *угрызаться*» [13. С. 22].

Приведем словообразовательную цепочку детского окказионала: развлечение – развлечь – развлекать – развлекаться – саморазвлекаться – посаморазвлекаться.

Считаем, что данное сложное слово образовано при помощи префиксации и сложения местоименного прилагательного *сам* в качестве первого компонента сложения с узуальным опорным глаголом, содержащим постфикс *-ся*.

Сложные окказиональные глаголы *лягушкоопродуктиться* и *лягушкозапродуктиться* имеют приращенное значение «купить».

Данные слова различаются префиксом: *о-* и *за-*, при этом *запродуктиться* – купить достаточно большое количество продуктов.

В качестве компонента, предшествующего опорному, употреблена основа существительного *лягушка*.

В разговорной речи употребляется глагол *запродуктиться* в значении «запастись продуктами», поэтому ребенок, чутко реагируя на существующие языковые явления, употребляет слово *лягушкозапродуктиться* в значении «запастись продуктами для лягушки». Таким образом, при создании сложного глагольного окказионала номинируется целая ситуация.

Продукты – опродуктить – опродуктиться – лягушк-о-опродуктиться.

Продукты – запродуктить – запродуктиться – лягушк-о-запродуктиться.

Детские глагольные композиты в качестве производящих основ иногда имеют звукоподражательные слова типа дили-дон: Она (батарея) с тех часов, которые дилидонькают.

«Наименование глаголами является специфическим видом лексической номинации, при котором в названии фиксируются и закрепляются разные понятийные признаки, многообразные ракурсы связей гла-

гольного действия с предметами и лицами, производящими эти действия или подверженные им» [13. С. 2].

В работах по словообразованию сложилась традиция рассматривать причастные формы в группе адъективных форм. В таком подходе есть своя логика, поскольку случаи адъективации причастий, процессы вытеснения глагольных признаков атрибутивными признаками достаточно частотны.

Мы, однако, будем придерживаться другой установки, рассматривая сложные причастные образования (*волноплывущий, чистоваренный* и т.п.) в группе глагольных композитов.

Главной причиной такого подхода является ярко выраженный динамизм детских высказываний. О динамизме детской речи применительно к фактам олицетворения читаем в диссертационном сочинении И.М. Чебогаревой «Олицетворение в детской речи» (Белгород, 1996 г.), применительно к семантике сравнения – в диссертационном сочинении Н.М. Голевой «Сравнение в детской речи (конец XX века)» (Белгород, 1997 г.).

Словотворчество детей также свидетельствует о динамизме детского восприятия окружающей жизни.

Следующей причиной «глагольной» интерпретации детских композитов типа *чистовареное* (яйцо) является количественное противоречие между значительной группой композитов существительных и прилагательных и почти полным отсутствием композитов-глаголов.

Рассмотрим группу композитов-причастий с позиций морфологической характеристики производящих глагольных основ. В картотеке не встретилось ни одного композита-причастия, структурно и семантически адекватного действительному причастию прошедшего времени.

Следы страдательных причастий прошедшего времени видны в следующих детских окказионализмах:

Вляпанно-брызганное стекло

– У нас все стекло (в машине) вляпанно-брызганное.

Чистовареное (крутое, хорошо сваренное) яйцо

– Я люблю чистовареное яйцо.

Новокупленный

– Надо перемешать соду и клей, все в ведро, сварить, и кастрюли туда, и все отмывается. Посуда как новокупленная.

Свежекупленный батон

– Этот батон свежекупленный?

Обратим внимание на первый пример, когда сложное причастие обоими своими компонентами восходит к производящим основам причастий.

Лидируют в детском окказиональном словотворчестве действительные причастия настоящего времени, примеров на страдательные причастия настоящего времени почти нет.

Бисеронепропускаемый стакан

Мальчик собирает бисеринки в стакан.

– Это бисеронепропускаемый стакан.

Скорее всего данное слово образовано по аналогии с *водонепроницаемый*.

Главный корпус окказиональных причастий в детской речи составляют действительные причастия настоящего времени, что весьма знаменательно, поскольку ребенок считывает конкретную ситуацию, происходящую в момент речи.

– Посмотри, все небо *волноплывущее*.

– Мы здесь ракушки собираем, у нас *ракушкодобывающий* завод.

– Посмотри, обложка у тетради *пылеотталкивающая* (лощенная).

Возможно, лидерство действительных причастий объясняется авторитетностью самой модели действительного оборота.

В приведенных сложных окказионалах первые компоненты, носящие уточняющий характер, выражены именем существительным: волна, ракушка, пыль.

Девочка играет на пианино менуэт:

– Мне нравится играть вальс, менуэт; музыка красивая, *нежнотающая, нежнотанцующая*.

Известно, что у причастий нет будущего времени, но в контексте семантика детских окказиональных причастий может быть сориентирована именно на будущее время, что предопределяется относительным характером времени у причастий.

– Я буду делать *водополивающее* приспособление.

– Не трясите стол, а то у меня дом *тряснопадающий* получится.

Наконец, формы действительных причастий настоящего времени используются детьми в обобщающем, вневременном значении.

– Мне нравится гитара, потому что она *звуковозвышающая*.

– У меня от этого свитера волосы *пышноторчащими* становятся.

Анализ словосочетаний, на базе которых возникло композитное причастие, свидетельствует о множественности и многообразии таких сочетаний.

Водополивающий – поливать водой.

Звуковозвышающая – возвышать посредством звуков, звуками.

Ракушкодобывающий – добывать ракушки.

Наиболее стандартным типом возникновения окказиональных причастий-композитивов является ориентация на наречный первый компонент (как правило, качественное наречие): *нежнотанцующий, нежнотающий, чистоваренный, пышноторчащий*.

Следует также отметить, что половина производящих глагольных основ (добывать – добывают, пропускать – пропускают, падать – падают, отталкивать – отталкивают, поливать – поливают, возвышать – возвыша-

ют) относятся к первому продуктивному классу глаголов. Видимо, в своем словотворчестве ребенок опирается на интуитивно опознаваемые им самые частотные, продуктивные типы соотношения глагольных основ.

Подчеркнем, что большая часть производящих глагольных основ является бесприваочными.

Понимая некоторую условность выделения композитов причастий, мы, тем не менее, не можем не отмечать глагольного происхождения опорного компонента. В противном случае опорный глагол выпадает из структурно-семантического анализа детских композитов, а это не вполне соответствует реальной морфологоориентированной палитре детского словотворчества.

Заключение

Подводя итог, может говорить о том, что сложное слово / композит – это лексическая единица, которая формально восходит к двум, трем и / или более основам или вообще самостоятельным словам имеет структурно-семантическую целостность, т.е. она семантически связана со значением синтаксической конструкции, которые образуются с помощью: 1) фонетико-морфологического, бессуффиксного; 2) суффиксального; 3) префиксального; 4) смешанного, суффиксально-префиксального, а также синтаксического способов. Сделана попытка рассмотреть глагольные композиты, которые представляют немногочисленную группу сложных слов в речи детей, но эти композиты интересны тем, что не подходят под классификацию образования сложных глаголов.

Литература

1. *Кубрякова Е.С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. М. : Наука, 1981. 200 с.
2. *Кодухов В.И.* Введение в языкознание. М., 1979. 351 с.
3. *Новиков Л.А.* Семантика русского языка. М. : Высш. шк., 1982. 272 с.
4. *Кубрякова Е.С.* Что такое словообразование. М. : Наука, 1965. 78 с.
5. *Фортуатов Ф.Ф.* Избранные труды. М. : Учпедгиз, 1956. Т. 1. 450 с.
6. *Григорьев В.П.* О границах между словосложением и аффиксацией // Вопросы языкознания. 1956. № 4. С. 38–52.
7. *Никитина Ф.А.* Влияние аналогии на словообразование. Киев : Изд-во Киев. ун-та, 1973. 198 с.
8. *Русский язык.* Энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. М. : Сов. энциклопедия, 1979. 432 с.
9. *Русская грамматика.* М. : Наука, 1980. 783 с.
10. *Лопатин В.В., Улукханов И.С.* О некоторых принципах морфемного анализа слов / К вопросу определения понятия сложного слова в современном русском языке // Известия АН СССР. 1963. Т. 22, вып. 3. С. 190–203.
11. *Цейтлин С.Н.* Детская речь: инновации формообразования и словообразования (на материале современного русского языка) : дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1989.

12. *Улуханов И.С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996. 222 с.
13. *Изотов В.П.* Уровневая организация способов словообразования. Орел, 1996. 30 с.

Сведения об авторе

Кадим Мундер Мулла – доцент, кандидат филологических наук, Багдадский университет (Багдад, Ирак). E-mail: muntherkadhum@mail.ru

Поступила в редакцию 26.02.2019 г.

VERBAL COMPOSITE WORDS IN CHILDREN'S SPEECH (based on the Russian language)

Kadim Munder Mulla, Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, University of Baghdad (Baghdad, Iraq). E-mail: muntherkadhum@mail.ru

DOI: 10.17223/19996195/46/3

Abstract. The article represents the examples of Russian verbal composites in children's speech, which constitute a fairly large group of lexical units. The explanation is offered to the notion of a composite word / composite, which is understood as a lexeme that formally goes back to two or more basics or independent words, possessing a structural and semantic integrity semantically related to the meaning of the syntactic structure. The leading criteria for the interpretation of a composite word were morphological and semantic criteria: the linking of parts by a special connecting morpheme and the semantic fusion of the nomination; in the same cases, when both of these signs were not clearly visible, the only criterion for the selection of the occasional composite was the phonetic criterion – the presence of one strong stress. The following key criteria of a composite word / composite have been mentioned: phonetic, morphological and semantic, as well as the basic ways of word formation: 1) phonetic-morphological, non-suffix; 2) suffix; 3) prefix; 4) mixed, suffix-prefix, as well as syntactic methods. An attempt has been made to consider verbal composites that represent a small group of composite words in children's speech, but these composites are interesting in that they do not fit the classification of the formation of complex verbs. The main reason for this approach is the pronounced dynamism of children's statements. The children's creativity of words also testifies to the dynamism of children's perception of the life around them. Understanding a certain convention of separating composites of participles, we nevertheless cannot but note the verbal origin of the supporting component. Otherwise, the reference verb falls out of the structural-semantic analysis of children's composites, and this does not quite correspond to the real morphological-oriented palette of children's word creativity.

Keywords: verbal composites; children's speech; the Russian language; composite word; composite; ways of word formation.

References

1. Kubryakova E.S. (1981) *Tipy jazykovykh znacheniy. Semantika proizvodnogo slova* [Types of linguistic meanings. The semantics of the derived word]. M.: Nauka.
2. Kodukhov V.I. (1979) *Vvedeniye v jazykoznanije* [Introduction into linguistics]. M.
3. Novikov L.A. (1982) *Semantika russkogo jazyka* [Semantics of the Russian language]. M.: Vysshaya shkola.
4. Kubryakova E.S. (1965) *Chto takoye slovoobrazovaniye* [What is word formation]. M.: Nauka.
5. Fortunatov F.F. (1956) *Izbrannyye Trudy* [Selected Works]. Vol. 1. M.: Uchpedgiz.

6. Grigoriev V.P. (1956) O granitsakh mezhdru slovoslozheniyem i affiksatsiyey [On the boundaries between word composition and affixation] // *Voprosy jazykoznanija*. 4. pp. 38–52.
7. Nikitina F.A. (1973) *Vliyanije analogii na slovoobrazovaniye* [Influence of analogy on word formation]. Kiev: Izd-vo Kievskogo un-ta.
8. *Russkiy jazyk. Entsiklopediya* [Russian language. Encyclopedia] (1979) / gl. red. F.P. Filin. M.: Sovetskaya entsiklopediya.
9. *Russkaya grammatika* [Russian grammar] (1980). M.: Nauka.
10. Lopatin V.V., Ulukhanov I.S. (1963) O nekotorykh printsipakh morfemnogo analiza slov / K voprosu opredeleniya ponyatiya slozhnogo slova v sovremennom russkom jazyke [About some principles of morphemic analysis of words / To the question of definition of the concept of a compound word in modern Russian] // *Izvestiya AN SSSR*. Vol. 22. Iss. 3. pp. 190–203.
11. Tseytlin S.N. (1989) *Detskaya rech': innovatsii formoobrazovaniya i slovoobrazovaniya (na materiale sovremennogo russkogo yazyka)* [Children's speech: innovations of form building and word formation (on the material of the modern Russian language)]. Philology doc. diss. L.
12. Ulukhanov I.S. (1996) *Edinitsy slovoobrazovatel'noy sistemy russkogo jazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya* [The units of the word-formation system of the Russian language and their lexical implementation]. M.
13. Izotov V.P. (1996) *Urovnevaya organizatsiya sposobov slovoobrazovaniya* [The level organization of word formation methods]. Orel.

Received 26 February 2019